

## **О списках рукописей и устной версии «Истории Унекер Торелкиту хана»**

### **On the Copies of Manuscripts and an Oral Version of “The History of Uneker Torelkitu Khan”**

*Б. А. Бичеев (B. Bicheev)<sup>1</sup>*

<sup>1</sup> доктор философских наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: baazr@mail.ru.

Ph.D. in Philosophy (Doctor of Philosophical Sciences), Head of Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: baazr@mail.ru.

**Аннотация.** Статья посвящена устной и письменной версиям известного произведения буддийской литературы под названием «История Унекер Торелкиту хана». Будда часто рассказывал своим последователям различные истории, в которых поучительность сочеталась с увлекательным изложением. Традиция буддизма рассматривает такого рода произведения как одну из форм проповеди учения. Получив широкую популярность, такие произведения бытовали как в письменной, так и в устной формах.

**Ключевые слова:** буддийская литература, рукопись, устная форма бытования, сказочный сюжет, язык произведения.

**Abstract.** The article deals with written and oral versions of the famous Buddhist composition “The History of Uneker Torelkitu Khan”. The Buddha himself often told various stories to his disciples; those were both didactic in content and fascinating in form. The Buddhist tradition views such compositions as one of the ways to preach the teaching. Those gained wide popularity and existed both in written and oral forms.

**Keywords:** Buddhist literature, manuscript, oral form, fairy tale plot, language of the composition.

В период своего распространения буддизм был вынужден приспособляться и вырабатывать определенную форму отношения к культурным традициям разных регионов. Слияние буддизма с различными культурами способствовало появлению буддийской литературы, которую составляют произведения, написанные на многих языках мира. Однако, несмотря на это, буддийская литература представляет собой некое единство, заключающееся в общности тем, сходстве сюжетов и художественных приемов [Топоров 2003: 12].

Одним из региональных вариантов буддийской литературы является ойратская (калмыцкая) литература, которая насчитывает почти четыре века своего существования. С момента создания в 1648 г. письменности, получившей название «ясное письмо», за сравнительно короткий срок был переведен весь основной свод, наиболее важных в теоретическом отношении текстов буддийского учения [Раднабхадра 1999: 62–67]. В основном это были канонические тексты в форме сутр и шастр, тексты неканонического содержания («джатаки», «намтары», «субхашиты» и др.), а также произведения народного буддизма.

В буддийской литературной традиции существует особого рода тексты, повествующие о предшествовавших рождениях самого основателя учения («джатаки») и различных событиях его жизни («намтары»). Как отмечал С. Ф. Ольденбург, «Жизнь Будды действительно была полна добра и красоты. Учителем жизни Будда был для людей не только учением своим, а и всей своей жизнью» [Ольденбург 1998: 48]. Среди ойратских переводов известны следующие произведения такого вида: «Будда и брахман» («*Burxan birman xoyor*») [Санджиев 2009: 17–22], «Принц Эрдени Зурекен» («*Tüb oroni tusa bütiqsen xān küböün Erdeni züreken*») [Меняев 2009: 11–17], «Шастра о Хашинг хане» («*Xašing xāni šaštir orošiboi*») [Galdan 2014: 106–127], «История Оглегу Бедерекчи хана» [Очиров 2006: 327–328], «Двенадцать деяний Будды» («*Burxan baqšiyin gegēni arban xoyor zokāl*»)<sup>1</sup> и др.

Сам Будда, прекрасно понимавший разницу в умственном развитии людей, рассказывал своим последователям различные истории, в которых сочетались поучительность с увлекательным изложением. Такие сюжеты были призваны адаптировать в сознании

<sup>1</sup> Литографическое издание, б.м., б.г.

простых верующих морально-этические установки учения, побуждающие их к вступлению на путь спасения. Традиция буддизма рассматривает такие произведения как одну из форм проповеди учения. В фиксированной литературной форме эти произведения состоят из единой структуры, установленной традицией буддизма. Эта структура включает следующие части:

- вводная часть (в ней раскрываются конкретные обстоятельства, при которых произошло то или иное событие жизни Будды);
- основная часть (собственно сюжет, поведенный самим Буддой);
- заключительная часть (текст завершается традиционной фразой о восхвалении Будды окружением, либо дается пояснение к изложенному событию).

Произведения такого рода воспринимались как слова самого Будды, а потому такие тексты считались сакральными. Вследствие доступности содержания и увлекательности сюжета они имели широкое распространение не только в письменной, но и в устной форме. Однако в ходе перетекания письменного текста в устную форму, как правило, вводное и заключительное «обрамление» утрачивались. Непосредственно сохранялась только основная часть, изложенная в форме конкретного повествования.

Одним из таких произведений, получившим широкое распространение в письменной и устной формах, является «История Унекер Торелкиту хана» («*Ünekēr törölkitü xāni tuuji orošibo*»). По данным, имеющимся в различных каталогах ойратских рукописей, известно о семи списках этого текста. Четыре рукописи «*Ünekēr törölkitü xāni tuuji orošibo*» хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (Шифры E 5, D 122, C 33, C 44) [Яхонтова 2014]. Один список находится в Научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ (Шифр Calm D7, xyl. Q 537). В коллекции ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии этот текст значится под названием «*Oyun čiketü xān köbüüini touji orošibo*» (№ 293) [Gerelmaa 2005]. Еще один текст «*Ünengker törölkitü sayin xāni tuuji*» хранится в фонде ойратских рукописей Комитета по делам национальностей СУАР КНР (Шифр 0002).

Структура «Истории Унекер Торелкиту хана» выстроена по строго установленному буддийской традицией принципу. Вводная часть текста открывается обязательной формой выражения почтения одному из будд или бодхисаттв буддийского пантеона. Обычно с помощью этой формы определяется принадлежность произведения к той или иной категории текстов. Если текст относился к собранию Абхидхармы, то почтение выражалось Манджушри, если собранию сутр — буддам и бодхисаттвам. В синьцзянском списке рукописи почтение выражено бодхисаттве милосердия и сострадания Авалокитешваре («*Namo Lokhi šv ra ya*»).

Далее следует еще один обязательный элемент структуры подобных произведений, свидетельствующий о непрерывности традиции передачи слов Будды. Он звучит в виде неизменной формулы: «Так было мною услышано однажды» (*Eyin kemēn mini sonosuqsan nigen caqtu...*).

Повествование начинается с непосредственного обстоятельства, предшествовавшего тому событию в жизни Будды, во время которого он поведал историю о хане Унекер Торелкиту. Обычно в этом обязательном элементе для таких текстов всегда присутствует фраза о том, что Победоносный (санскр. *Bhagavān*; тиб. *bcom ldan 'das*, калм. *ilayun tögüsün üleqsen*) находился в определенном месте (*tabun-ni abuqči abaxui baḷyadiyin*). В данном случае Будда пребывал в созерцании (*maši ariluqsan mavraldu souxoi caqtu*).

Шесть тысяч бодхисаттв, проявлявших усердие в повторении пути Авалокитешвары, осознав тщетность пресечения привязанности к чувственному миру, не выслушав наставлений в методе постижения этого пути, обращаются с просьбой к Будде.

Будда, улыбнувшись в ответ на эту просьбу (*tende Ilayun tögüsün üleqsen buraxn mišin üyiledči*), дает краткое наставление (*ödüge tobčiyin tödii üzülümüi*) в виде увлекательного повествования.

В основной части содержится собственно «История Унекер Торелкиту хана». В этом достаточно большом по объему, насыщенном по содержанию сюжете, поведенном Буддой, повествуется о том, как злые силы привели в упадок некогда процветавшее государство Унекер Торелкиту хана вследствие его привязанности к чувственному миру.

Основные действующие персонажи повести — Унекер Торелкиту хан (*Ünekēr törölkitü sayin xān*), его супруга Буяни Белгин Герел (*Buyani Belgeyin gerēl xatun*), их дети — принц Оюн Чикете (*Oyou čikitu xān küböün*) и принцесса Эрдени Абахай Цедек (*Erdeni abaxui ceseq xān okon*), воплощение пяти зол шулмуска Алала Пангака (*Alala pang ka*), глава шеститысячного собрания чиновников Аялгу (*Buyani dokō medeqči Ayolyu terigüülen zuryān mingyan tüšimel*). Повествование выстроено на основе сказочного сюжета «злая мачеха».

Весь текст насыщен буддийскими установками, раскрывающими устойчивое ядро и суть морально-этических норм буддийского учения. В содержании раскрываются те пороки, которые являются коренными препятствиями на пути духовного совершенства: неведение, гнев и вожеление. От страданий можно освободиться только собственными усилиями, преодолев неведение. За добрые деяния следует награда, за пороки — наказание. Регламентация поведения вытекает из желания вырваться из круговорота сансары и необходимости выбора своей будущей участи.

В заключительной части Будда объясняет бодхисаттвам, что в образе принца Оюн Чиките переродился сам Авалокитешвара, чтобы помочь всем существам сансары обрести истинный путь к конечной цели.

Таким образом, произведения, подобные «Истории Унекер Торелкиту хана», приобщали верующих к ценностям религиозной традиции, утверждали в их сознании буддийские добродетели. Однако народному сознанию недоступно и безразлично теоретизирование философского уровня, поэтому «История Унекер Торелкиту хана», обретая устную форму бытования, значительно утрачивает насыщенность буддийскими элементами. Нет в нем вступительного и заключительного «обрамлений», характерных для письменной версии. Собственно сам сюжет об Унекер Торелкиту хане составляет основу устной версии.

Известно два варианта этого произведения в устном изложении. Один вариант сказки под названием «*Умкэ Төрлгт хан*» был записан в 1964–1965 гг. сотрудницей Калмыцкого НИИЯЛИ А. Ц. Бембеевой у известного сказителя Санджи Манжикова (*Манжгин Санжэ*).

При этом сам сказитель отмечает, что слышал эту сказку от старца по имени Ангарык (*Аңарг*) [Хальмг туульс 1968: 247]. Второй вариант сказки «*Үнңкү Төрлкт хан*» был записан в Синьцзяне у сказителя Ки. Джуда и опубликован в журнале «*Xān Tenger*» в 1986 г. Сказитель также отмечает, что слышал эту сказку от своей бабушки [Haan Tengger 1986: 53].

Оба варианта не только значительно отличаются от письменной версии своим содержанием и языком изложения, но и разнятся между собой. По сравнению с калмыцкой сказкой, синьцзянский вариант более лаконичен по своему содержанию. В последнем текст более насыщен общими формулами, характерными для устных сказаний. В калмыцком варианте сказки есть одно интересное добавление от сказителя, в котором говорится, что человеку, желающему набраться разума, надо услышать «Историю Унекер Торелкиту хана», а желающему прослезиться «Историю Усень Дебескертү хана» (*Эн туужин тускар иим үлгүр бээдм: «Уха сурх күн „Үмкә Төрлт хаана тууж“ соңсхм, уульхан хээсн күн „Усн Девскртин тууж“ соңсхмн»*).

Упомянутый текст «Истории Усень Дебескертү хана» представляет собой произведение синкретического содержания, но относится к жанру поучений (*сургаала*). Он также имел широкое распространение в письменном виде. Известны и устные сказания об Усень Дебескертү хане.

Одно сравнение имен основных персонажей «Истории Унекер Торелкиту хана» показывает насколько изменился письменный текст при переходе в устную форму.

| « <i>Ünengker törölkitü sayin xāni tuiji</i> » (СУАР КНР)                                                                                                                                    | « <i>Үмкә Төрлт хан</i> »<br>( <i>Манжсин Санжэ</i> )                                             | « <i>Үнңкү Төрлкт хан</i> »<br>(Ки. Джуда)                                                            |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Ünekēr Törölkitü Sayin xān</i><br><i>Buyani Belgeyin gerēl xatun</i><br><i>Oyou Čikitu xān küböün</i><br><i>Erdeni Abaxui Ceceq okon</i><br><i>Alala pang ka</i><br><i>Ayolıy tüşimel</i> | Үмкә Төрлт хан<br>Цаһан Теңгрин күүкн<br>Аю Чикт<br>Авх Цецг окн<br>Алала Бембг шулм<br>Аюк түшмл | Үнңкү Төрлктә хан<br>Буйн Өөжрк хатн<br>Оюн Чикн<br>Авх Цецг окн<br>Ягц Бәрм адглад<br>Аюңһа ик түшмл |

Несмотря на то, что в текстах двух сказочных сюжетов отсутствуют явные буддийские установки, тем не менее в них имманентно наличествуют элементарные базовые идеологемы, которые лежат в основе представлений мирянина: воздаяние и обретение благого рождения. Поэтому произведения подобного рода, с одной стороны, представляют собой художественное явление, а с другой — выступают как религиозная проповедь. Такую стабилизацию традиционных установок буддийского учения можно констатировать на основе анализа известных произведений подобного рода.

Тексты двух устных вариантов сказки представляют особый интерес с точки зрения исследования изменения языка в синхронном аспекте. Как уже упоминалось, калмыцкий вариант сказки был записан в 1964–1965 гг. Сказитель же усвоил этот текст в молодости от старца Ангарык. Таким образом, текст этой сказки отражает состояние калмыцкого языка первой половины XX в. При сравнительном анализе с текстом подобных сказочных сюжетов, записанных в последней четверти XX в., можно будет проследить снижение функциональной активности языка. Еще более интересный материал представляет синьцзянский вариант сказки. Сказитель также отмечает, что усвоил этот текст в молодости от своей бабушки, т. е. и в этом случае мы имеем текст, отражающий состояние языка синьцзянских калмыков в первой половине XX в. Известно, что сказка была опубликована в 1986 г. Именно в это время синьцзянские калмыки отказались от активного использования «ясного письма» в школе и перешли на монгольскую письменность. За прошедшие тридцать лет выросло целое поколение, которое не знает «ясного письма» и наблюдается заметное влияние монгольского языка. Поэтому текст данной сказки обретает значимость и с точки зрения письменной фиксации живой речи синьцзянских калмыков в том виде, в каком она бытовала полвека назад.

Стоит отметить и еще один интересный факт. Несмотря на некоторое сюжетное различие этих двух вариантов одной сказки, их сближает не только один письменный источник, но, прежде всего, язык изложения. Он свидетельствует о том, что даже по прошествии трехсот лет раздельного существования некогда единого народа язык не претерпел заметных изменений. Это фундаментальное

свидетельство того, что его сохранению способствовали общие для двух частей одного народа письменные и устные источники, к которым относится и представленный нами текст.

### Литература

Меняев Б. В. Ойратский перевод истории одного деяния Будды // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 11–17.

Очиров Н. Живая старина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 327–328.

Ольденбург С. Ф. Жизнь Будды индийского учителя жизни // Пять лекций по буддизму. Самара: Агни, 1998. С. 8–40.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабджамбы Зая-пандиты. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 176 с.

Санджиев Ч. А. Ойратский перевод буддийской притчи «Будда и брахман» // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 17–22.

Топоров В. Н. «Дхаммапада» и буддийская литература // Дхаммапада. Новосибирск: Сogласие, 2003. С. 3–4.

Хальмг туульс. II боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. С. 239–247.

Яхонтова Н. С. Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–24.

Galdan Do. Тууџи үлигер-үн емкидегел. Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a, 2014. С. 106–127.

Haan Tenggeri. 1986. № 4. С. 41–53.

### References

Galdan Do. Тууџи үлигер-үн емкидегел. Šinjiyang: Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a, 2014. Pp. 106–127. (In Mong.)

Haan Tenggeri. 1986. No. 4. Pp. 41–53. (In Mong.)

Kalmyk Fairy Tales. Vol. II. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. Pp. 239–247. (In Kalm.)

Menyaev B. V. Oirat Translation of the History of One Buddha Act. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 11–17. (In Russ.)

Ochirov N. Living Old Times. Elista: Kalm. Book Publ., 2006. Pp. 327–328. (In Russ.)

Oldenburg S. F. Life of Buddha, an Indian Teacher of Life. In: Five Lectures on Buddhism. Samara: Agni, 1998. Pp. 8–40. (In Russ.)

Radnabhadra. Moonlight. History of Rabjamba Zaya Pandita. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)

Sandzhiev Ch. A. Oirat Translation of the Buddhist Parable “Buddha and Brahman”. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 17–22. (In Russ.)

Toporov V. N. “Dhammapada” and Buddhist Literature. In: Dhammapada. Novosibirsk: Soglasie, 2003. Pp. 3–4. (In Russ.)

Yakhontova N. S. Oirat Manuscripts and Woodcutters in the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2014. Pp. 5–24. (In Russ.)